

А. А. Кузнецов

НОВГОРОДСКАЯ ПОЛИТИКА ВЛАДИМИРСКИХ КНЯЗЕЙ В 1220-е гг.

В историографии истории Владимиро-Суздальского княжества сложилась парадоксальная ситуация: прошлое этого древнерусского политического образования внимательно рассматривается на протяжении княжений Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, а затем – после перерыва – следует правление Александра Невского. Между ними, с 1212 г. по середину 1230-х гг., зияет брешь. В исторической литературе она закрывается либо тем, что на данный период негласно распространяется инерция представлений о неуклонном росте самодержавных тенденций во Владимирском княжестве, либо просто игнорируются политические процессы того времени в Северо-Восточной Руси со ссылкой на то, что после битвы на Липице в 1216 г. присутствие владимирских князей в Новгороде минимизировалось.

Эти историографические явления ярко проступают в исследованиях политической истории Новгорода 1220-х гг. В них Новгород выступает «северным стражем Руси»¹. В этих трудах описана военно-политическая активность исключительно новгородцев, в том числе и в 1220-е гг. И это при том, что в те годы походы за новгородские пределы осуществлялись, по крайней мере, при наличии в Новгороде владимирских Рюриковичей. Истоки идеологии таких трудов обнаруживается в книгах В. Сергеевича². Подобный подход замечается и в работах И. П. Шаскольского (см. далее в статье): все факты борьбы Руси «на берегах Балтики» трактуются как целенаправленные действия новгородцев, – а затем – И. Я. Фроянова и его учеников, среди которых надо указать А. В. Петрова³. В них Новгород представлен самостоятельным

---

¹ Андреев В. Ф. Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1989.

² Сергеевич В. Древности русского права. Территории и население. Т. I. СПб., 1909; Сергеевич В. Древности русского права. Вече и князь. Советники князя. Т. II. СПб., 1908.

³ См. например: Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995; Фроянов И. Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетий. СПб., 1992; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003.

социально-политическим образованием, а князья играли в нём внешней и периферийную роль.

С другой стороны, в исследованиях, в которых история Владимирского княжества является главной темой, военно-политические успехи Александра Невского на северо-западе Руси подаются как закономерный итог военно-политических акций его предшественников, прежде всего его отца Ярослава Всеволодовича⁴. С последним связана проблема «управления» внешней политикой княжества: либо определялось великим владимирским князем, либо он позволил брату Ярославу взять в свои руки ряд направлений, прежде всего новгородское.

Активная роль владимирских князей в новгородских внешнеполитических делах представлена в исследованиях Е. Л. Назаровой (см. ниже). Внутривнутриполитическая ситуация в Новгороде в 1220-х гг., на складывание которой значительно влияли дети и внуки Всеволода Большое Гнездо, рассмотрена в трудах В. Л. Янина, например в его классическом труде «Новгородские посадники»⁵. Системное сопряжение результатов изучения роли и места владимирских князей в 1220-х гг. внутри Новгорода и в защите его внешнеполитических (за пределами Руси) интересов в той или иной степени обнаруживается в книге Дж. Феннела «Кризис средневековой Руси»⁶, и в труде Д. Г. Хрусталёва⁷. Д. Г. Хрусталев не находит следов целенаправленных усилий владимирских князей по защите новгородских границ, не находит и зон их влияния в Прибалтике.

В данном случае уместно вспомнить предложения В. Т. Пашуто, высказанные в статье об опыте периодизации древнерусской дипломатии⁸. Согласно им, в первой четверти XIII в. усложнилась, утратив единство, «имперская дипломатия», под которой понималась дипломатия, связанная с борьбой за обладание крупными сопредельными с Русью регионами⁹: на севере и в Прибалтике «политикой... ведали» Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк, в континентальной части Европы – Галицко-Волынское княжество, в Поволжье – Владимир¹⁰. Здесь также игнорируются данные источников о том, что в 1220-е гг. владимирские князья – неперемненные действующие лица новгородской истории. Закономерна постановка проблемы: насколько владимирские князья влияли

---

⁴ Обзор этой литературы см.: *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 279–302, 395–464.

⁵ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003.

⁶ *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.

⁷ *Хрусталев Д. Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. Т. I. СПб., 2009.

⁸ *Пашуто В. Т.* Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитой феодализм) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 год. М., 1984. С. 6–25.

⁹ *Пашуто В. Т.* Опыт периодизации истории русской дипломатии... С. 8.

¹⁰ *Пашуто В. Т.* Опыт периодизации истории русской дипломатии... С. 15, 16, 17.

на «имперскую политику»¹¹ Новгорода в Прибалтике – определяли её, следовали в её фарватере или действовали на паритетных основах с новгородцами.

Исходя из того, что в 1220-е гг. владимирские князья активно боролись за новгородский стол, в статье рассматривается их политика за утверждение в Новгороде – ее мы и называем «новгородской» политикой владимирских князей, подразумевая последовательные и настойчивые меры по достижению поставленной цели. Для других князей (смоленских и черниговского князей) в отношении Новгорода в 1220-е гг. характерно отсутствие такой последовательности. Они поступали ситуативно. Такая особенность определялась иными задачами для этих Рюриковичей внутри и вне Руси. На новгородскую политику владимирских князей влияло и то, что они взяли на себя ответственность за защиту исключительно внешнеполитических интересов Новгорода и Руси в Прибалтике¹². Выполнение этой миссии стало дополнительным инструментом новгородской политики владимирских князей.

Исследование владимирско-новгородских отношений в 1220-х гг. строится на изучении Лаврентьевской и Новгородской первой летописи, соответственно принадлежавших к летописным традициям Северо-Восточной и Северо-Западной (Новгорода) Руси. В этих традициях использовались мартовские и ультра-мартовские стили летосчисления. Если не учитывать это обстоятельство, можно прийти к искаженным выводам. Поэтому все летописные даты выверены по классическому труду Н. Г. Бережкова «Хронология русского летописания». В тех принципиально важных случаях даны ссылки на это исследование.

Битва на Липице в 1216 г. знаменовала собой крах попытки владимирских князей – детей Всеволода Большое Гнездо – вернуть Новгород под свою власть. Через 14 лет, в 1230 г., историки фиксируют факт окончательного закрепления новгородского стола за потомками Всеволода Большое Гнездо¹³. Между двумя датами – временной отрезок, заполненный борьбой детей и внуков Всеволода Большое Гнездо за утверждение в Новгороде.

Для проявления даже незначительной активности в отношении Новгорода Георгию (более распространенное в историографии именование – Юрий) и Ярославу Всеволодовичам после Липицы надо было заручиться согласием старшего брата Константина Всеволодовича и липицкого победителя Мстислава Удатного. Последний в 1216 г. забрал у зятя Ярослава свою дочь¹⁴. На основании этого сведения в историографии сложилось устойчивое убеждение, что Ярослав и Мстислав так и не примирились.

---

¹¹ Здесь и далее мы будем употреблять термин В. Т. Пашуто.

¹² Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 198.

¹³ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 112.

¹⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. III. М., 2000 (далее – ПШЛ). С. 56, 257.

2 февраля 1218 г. умер Константин Всеволодович. В 1217 г. он вернул из городецкой ссылки брата Георгия и дал ему Суздаль. Судя по тому, что Георгий после смерти брата бесконфликтно вокняжился на владимирском столе, это было согласовано с Константином. В. А. Кучкин, приведя ряд косвенных аргументов (невозможность вмешательства Мстислава Удатного в таинство брака своей дочери и Ярослава Всеволодовича без публичного осуждения со стороны церкви, данные о том, что Даниил Романович и Ярослав Всеволодович были свояками (Даниил женат на дочери Мстислава Удатного), частые и долгие пребывания жены Ярослава в Новгороде, где был похоронен дед дочери Мстислава Удатного, где долго княжил сам Мстислав Удатный, бракосочетание в 1239 г. Александра Ярославича в Торопце (городе Мстислава Удатного) и др.), показал, что Мстислав, вероятно, вернул Ярославу Всеволодовичу его жену (свою дочь), родившую затем сыновей Федора и Александра¹⁵. Время примирения между тестем и зятем В. А. Кучкин определил приблизительно: «Вскоре после кончины Константина 2 февраля 1218 г. и восстановления на владимирском столе Юрия с его стороны последовали активные новгородские действия. Изменение ситуации во Владимиро-Суздальской земле (примирение детей Всеволода Большое Гнездо – А. К.) было одной из причин ухода Мстислава из Новгорода в Галич в 1217 г. Вероятно, тогда же или несколько позже, в 1218 г., он, чтобы умиротворить поднявших голову своих противников, и отослал обратно к Ярославу его жену, а свою дочь Ростиславу-Феодосию»¹⁶.

Итак, вокняжение во Владимире Георгия Всеволодовича и примирение Ярослава с Мстиславом Удатным вернули Владимиро-Суздальскому княжеству в новгородских делах независимость (если она была утеряна).

Этим событиям предшествовала смена князя в Новгороде: в 1217 г. Мстислав Удатный отбыл в Галич¹⁷, а на новгородский стол в августе того же года взошел Святослав Мстиславич¹⁸, сын тогдашнего киевского князя (родом из Смоленска). При Святославе из Новгорода в поход на восток вышел воевода Семен Емин. Однако владимирский князь Георгий Всеволодович с братом Ярославом не пропустили через свои земли 400 новгородцев Семена Емина, шедших «на Тоимокары». Те вернулись в ладьях под Новгород и раскинули шатры «зло»¹⁹.

Возвращение Семена Емина в Новгород привело к тому, что на посту посадника Твердислава заменил С(е)мен Борисович. А место тысяцкого Якуна занял Семен Емин. В. Л. Янин связал эти изменения в Новгороде с внутригородской борьбой²⁰. И, как следствие данных про-

---

¹⁵ Кучкин В. А. К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР, 1985 год. М., 1986. С. 71–80.

¹⁶ Там же. С. 80.

¹⁷ НПЛ. С. 57, 258–259. Березков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 259.

¹⁸ НПЛ. С. 58, 259.

¹⁹ НПЛ. С. 59, 260. Березков Н. Г. Хронология... С. 259–260.

²⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 187–188.

цессов, произошла смена князя в Новгороде. Сама смена носила верхушечный, непринципиальный характер: один сын киевского князя сменил другого.

В первой половине 1218 г. киевский князь Мстислав Романович прислал на новгородский стол сына Всеволода²¹. До своего ухода на юго-запад Руси Мстислав Мстиславич Удатный, ладивший с представителями разных боярских групп, не противопоставлял свою власть новгородским властным структурам, а потому легко покинул Новгород в 1217 г. Святослав Мстиславич же оказался в сложной политической обстановке, когда сторонник обще-новгородского компромисса, посадник Твердислав, утвердившийся при Мстиславе Удатном, оказался негоден отдельным боярским группам. Они обвинили его в сговоре с князем. В начале 1218 г. в городе вспыхнуло восстание против Твердислава²². В этих-то условиях и произошли замена Святослава Мстиславича братом Всеволодом и смена посадников. Твердислав, уступив посадничество Семену Борисовичу²³, тем не менее, быстро вернул себе должность. Но вспыхнул конфликт Твердислава и князя Всеволода, закончившийся победой князя. В конце 1219 г. посадником стал Иванко Дмитрович²⁴, олицетворявший политический курс на усиление республиканской власти²⁵, а это в перспективе подрывало позиции Всеволода Мстиславича.

Эти процессы привели к естественной развязке. В 1221 г. новгородцы «показали путь» Всеволоду Мстиславичу и направили послов к владимирскому князю Георгию. Он дал им сына Всеволода²⁶. Удовлетворение новгородцев этой кандидатурой свидетельствовало о победе курса на сплочение внутригородских сил перед лицом великого киевского князя²⁷. Ему противопоставили владимирского князя, который после поражения на Липице не считался опасным. Однако в свете событий 1221 г. надо усматривать косвенное участие владимирских князей во внутри-новгородской борьбе с 1218 г. После ухода из Новгорода Мстислава Удатного и вокняжения там Святослава Георгий и Ярослав Всеволодовичи, давя на Новгород, через Семена Емина спровоцировали там внутренний конфликт, и поэтому князь Святослав был смещен Всеволодом. Последний не удержался в Новгороде, где обострилась политическая борьба и грозно проявились внешнеполитические задачи.

По приходу Всеволода Георгиевича в Новгород им были одарены владыка и «все мужи». То есть Георгий Всеволодович, заинтересован-

---

²¹ НПЛ. С. 59, 260. *Бережков Н. Г.* Хронология... С. 259.

²² *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 186–187. В. Л. Янин датирует эти события 1219 г. Датировка, предложенная здесь (1218 г.), сделана на основе изысканий Н. Г. Бережкова.

²³ НПЛ. С. 59, 260. Должности лишился и тысяцкий.

²⁴ НПЛ. С. 60, 261–262. *Янин В. Л.* Новгородские посадники... С. 187. Тысяцким вновь стал Якун.

²⁵ *Янин В. Л.* Новгородские посадники... С. 193.

²⁶ НПЛ. С. 60, 262. См. также: Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1997 (далее – ЛЛ). Стб. 445. *Бережков Н. Г.* Хронология... С. 106, 261.

²⁷ *Янин В. Л.* Новгородские посадники... С. 193–194.

ный в появлении сына в Новгороде, расплачивался с новгородцами. Всеволоду Георгиевичу было всего 7 лет, но ему в помощь был послан дядя Святослав Всеволодович²⁸, княживший в Новгороде в 1200–1205, 1208 гг. Видимо, Святослав Всеволодович организовал поход Новгорода на Кесь (Цесис) (город не был взят)²⁹. Наличие опытного дяди компенсировало малолетство Всеволода Георгиевича.

Поход на Кесь, в котором участвовали псковичи и литовцы, отражен в «Хронике Ливонии». В ней указано, что малолетний князь Всеволод лишь формально возглавлял войско, что в походе участвовали псковичи³⁰, что акция состоялась не ранее середины ноября 1221 г.³¹ Последнее подтверждает, что время прибытия Святослава Всеволодовича в Новгород – вторая половина 1221 г. Данное обстоятельство позволяет сузить хронологические рамки основания Нижнего Новгорода. Поскольку Святослав должен был прибыть с дружиной, то естественно предположить, что основание града на устье Оки в 1221 г. (как важное последствие мира между булгарами и Владимирским княжеством в конце 1220 г.) должно было осуществляться в присутствии вооруженного отряда. Частью его была дружина Святослава. Лишь после этого она могла быть отправлена в Новгород (как будет показано ниже, такие перемещения войск Владимирского княжества – с берегов Волги на берега Волхова – в 1220-е гг. были заурядным явлением). То есть основание Нижнего Новгорода произошло до августа 1221 г., в весенне-летний период.

В «Хронике Ливонии» сообщается, что в ответ на поход на Кесь рижане организовали рейд прибалтийских племен на Новгородскую землю на рубеже 1221–1222 гг.³² Нападение состоялось еще при князе Всеволоде Георгиевиче, который «на ту же зиму... побеже въ ночь». То есть Святослав Всеволодович ушел после завершения похода на Кесь, а малолетний Всеволод не смог наладить оборону Новгорода и бежал.

Отказ Всеволода от стола произошел не из-за конфликта с боярством, а по его воле: «...в Новгороде складывается такая обстановка, которой не удовлетворены сами князья»³³. Ведь новгородцы после бегства Всеволода заявили его отцу Георгию: «оже ти не угодно държати Новгорода сыном, а вѣда ны брат»³⁴.

---

²⁸ НПЛ. С. 60, 262.

²⁹ НПЛ. С. 61, 263.

³⁰ НПЛ. С. 66, 272. «Хроника Ливонии» Генриха // Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 100 (лат. текст), 132.

³¹ Назарова Е. Л. Комментарий // Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь... С. 181.

³² «Хроника Ливонии» Генриха... С. 101 (лат. текст), 133. Назарова Е. Л. Комментарий // Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь... С. 181–183.

³³ Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 194.

³⁴ НПЛ. С. 61, 263.

Так в Новгороде в начале 1223 г. появился Ярослав Всеволодович, посланный братом Георгием³⁵. Время для Новгорода было трудное: без ответа осталась рейд ливонцев по Новгородской земле, а зимой эсты разорили земли около Нарвы и в Ингрии, литовцы опустошали новгородско-смоленское пограничье у Торопца. Ярослав Всеволодович попытался настичь литовцев, но не догнал их³⁶. Вернувшись из погони, Ярослав отправился в Залесскую землю. Затем «приде князь Ярослав от брата» в Новгород³⁷. Поскольку сразу по возвращении Ярослав в 1223 г. организовал поход на Колывань (Ревель), то он, вероятно, ходил в Залесскую землю за помощью. Она была нужна для такой масштабной военно-политической акции.

«Хроника Ливонии» сообщает, что в Эстонии и на острове Эзель распространился призыв сражаться с датчанами и немцами, что русских из Пскова и Новгорода эсты призвали себе на помощь³⁸. В следующем 1223 г. старейшины эстов с деньгами и дарами отправились на Русь, прося помощи против немцев и других «латинян». Правитель «Суздальский» направил брата с большим войском, к которому присоединился псковский князь. В результате действий русских дружин Чудская земля была разорена и под контроль были взяты её ключевые пункты Юрьев (Дерпт), Одемпе³⁹. Братом «суздальского правителя», видимо, был Ярослав. О походе Ярослава во главе новгородцев, псковичей⁴⁰ и залесских дружин на Чудскую землю сообщают Новгородская первая летопись и «Хроника Ливонии». Новгородская первая летопись отмечает большой полон, приведенный в Новгород, и много трофейного золота. Но Ревель взят не был⁴¹. Причиной тому могло стать моральное разложение русского войска после захвата трофеев. Владимирская его часть не была настроена на долгую войну. Кроме того, возможно, что русские боялись «подхода тевтонов из Ливонии», которые могли ударить по тылам⁴².

На ревелльский поход Ярослава в литературе уже обращалось внимание в связи с тем, что Георгий Всеволодович не проявился в битве на Калке (залесские дружины ушли на северо-запад). С этой битвой и ее итогами связано еще одно событие: смоленский и полоцкий князья направили послов в Ригу, чтобы подтвердить мир с Орденом меченосцев⁴³, тем самым выйдя из борьбы за влияние в Прибалтике. Дальнейшая борьба князей из Залесской земли и новгородцев в Прибалтике и даже на северо-западе Руси протекали без общерусской поддержки. Поэтому нельзя утверждать, что владимирские князья возобновили свое

³⁵ НПЛ. С. 61, 263. ЛЛ. Стб. 445. *Бережков Н. Г.* Хронология... С. 261, 268.

³⁶ «Хроника Ливонии» Генриха... С. 101 (лат. текст), 133–134.

³⁷ НПЛ. С. 61, 263.

³⁸ «Хроника Ливонии» Генриха... С. 102, 134.

³⁹ «Хроника Ливонии» Генриха... С. 103, 136.

⁴⁰ НПЛ. С. 66, 271–272.

⁴¹ НПЛ. С. 61, 263.

⁴² *Назарова Е. Л.* Комментарий // *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь... С. 186.

⁴³ «Хроника Ливонии» Генриха... С. 102, 134.

присутствие в Новгороде лишь по желанию его знати. Если смоленский князь отказался от войны с Ригой, а Ярослав Всеволодович на свой риск её вести не мог, то, значит, он действовал по согласованию с братом, владимирским князем Георгием, и при его помощи.

Неудача со взятием Ревеля побудила Ярослава Всеволодовича покинуть Новгород, несмотря на уговоры новгородцев. Они обратились к владимирскому князю. Он вновь дал им в начале 1224 г. малолетнего сына Всеволода⁴⁴. А новгородцы продолжали активные действия в Прибалтике. Они направили в Юрьев (Тарту) князя Виескеке (Вячко)⁴⁵, который уже оттуда двинул отряды в эстонские земли для взимания дани⁴⁶. Видимо, поэтому новгородцы сначала просили Ярослава остаться, и по этой же причине после его ухода они обратились за князем к Георгию Всеволодовичу.

В то же время послы других русских князей (возможно, Смоленска и Полоцка) находились в Риге и вели переговоры о заключении мира⁴⁷. Так в условиях противостояния в Прибалтике, борьбы княжеской и новгородской властей оформился военный союз Новгорода и Владимирского княжества. Он стал мощным внутри- и внешнеполитическим фактором поведения Новгорода в 1229 г.⁴⁸ Мощь его была так сильна, и он был так значим и так ценен, что новгородцы отказывали другим князьям и вновь обращались в Залесскую землю за князем. Другие княжества вышли из борьбы за Прибалтику. Долговременный союз Владимирского княжества и Новгорода предполагал наличие и внешнеполитической программы у владимирских князей. Она заключалась не только в борьбе за влияние внутри Руси, в соседних княжествах, но и за обозначение немецких сил в Прибалтике как противника, с которым надо вести последовательную борьбу.

После похода Ярослава с новгородцами к Ревелю немцы в 1223 г. предприняли ответные шаги. Орденские власти договорились с датчанами о разделе Эстонии⁴⁹. Затем орденские войска осадили Юрьев, где находился князь Вячко, доставлявший им много беспокойства. Город был взят, его защитники, в том числе и 200 русских воинов, перебиты. Живым отпустили лишь одного «вассала великого короля Суздальского», чтобы он сообщил в Новгороде и Суздале о падении Юрьева⁵⁰.

---

⁴⁴ НПЛ. С. 61, 263. *Бережков Н. Г.* Хронология... С. 268; *Назарова Е. Л.* Комментарий // *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь... С. 297.

⁴⁵ *Назарова Е. Л.* Комментарий // *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь... С. 149–150, 186.

⁴⁶ «Хроника Ливонии» Генриха... С. 103–104 (лат. текст), 136.

⁴⁷ «Хроника Ливонии» Генриха... С. 104 (лат. текст), 136; *Назарова Е. Л.* Комментарий... С. 187.

⁴⁸ *Янин В. Л.* Новгородские посадники... С. 198.

⁴⁹ «Хроника Ливонии» Генриха... С. 104, 137; *Назарова Е. Л.* Комментарий // *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь... С. 187–188.

⁵⁰ «Хроника Ливонии» Генриха... С. 104–107, 137–140.

В Новгородской первой летописи есть лишь краткая строка о взятии немцами Юрьева и гибели Вячко⁵¹. О реакции новгородцев на эти события летопись умалчивает. В «Хронике Ливонии» указывается, что новгородское войско, двинувшееся на помощь, дошло до Пскова, но, узнав о падении Юрьева, повернуло назад⁵². Причинами задержки посылки помощи в Юрьев были отсутствие князя в Новгороде (Ярослав ушел, а Всеволод Георгиевич еще не пришел), последствия неудачного похода к Ревелю, столкновение рушан с литовцами⁵³. Надо добавить к этому и политику Ордена. Ему удалось получить от датчан земли, где находился Юрьев, бывший форпостом русского влияния в Эстонии. Именно на Юрьев и был направлен орденский удар, к чему новгородцы, привыкшие к противостоянию датчанам, не были готовы.

Так уход Ярослава Всеволодовича повлиял на потерю позиций Новгорода в Прибалтике, что было зафиксировано в договоре 1224 г. Пскова и Новгорода с Орденом⁵⁴. Затем в июле 1224 г. рижский епископ Альберт и Орден меченосцев разделили бывшие новгородские владения в Латвии⁵⁵. После этого последовало послание папы Гонория III «христианам в Руси»⁵⁶. Оно было рассчитано на привлечение новгородцев к борьбе с литовцами в ситуации после поражения русских войск на Калке в 1223 г.⁵⁷. Уходы и приходы в Новгород Ярослава Всеволодовича и Всеволода Георгиевича объяснимы не только сопротивлением новгородцев княжеской власти, но и напряженной внешнеполитической обстановкой. Возможно, Всеволод Георгиевич не мог противодействовать растущему недовольству княжеской властью в Новгороде из-за потери Юрьева, но и не мог остановить заключение мира Новгорода с немцами, на чем, вероятно, настаивал его отец. Поэтому-то Всеволод и бежал вновь ночью в Торжок⁵⁸.

Трактовка историками последующих событий предопределила вывод, согласно которому политику Владимирского княжества в Новгороде в 1220-е гг. осуществлял брат владимирского князя Георгия – Ярослав, и эта политика часто расходилась с личными планами владимирского князя. Такой вывод противоречит приведенным выше данным о наличии долговременной внешнеполитической программы Владимирского княжества на северо-западе Руси и юго-востоке Прибалтики.

---

⁵¹ НПЛ. С. 61, 264.

⁵² «Хроника Ливонии» Генриха... С. 107, 140.

⁵³ НПЛ. С. 61, 264; Назарова Е. Л. Комментарий... С. 189.

⁵⁴ «Хроника Ливонии» Генриха... С. 107, 140. Назарова Е. Л. Комментарий... С. 189–190.

⁵⁵ Договор о разделе области Толова между епископом Альбертом и Орденом меченосцев. Июль 1224 г. // Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь... С. 207–208; Назарова Е. Л. Комментарий... С. 189–190, 209–210.

⁵⁶ Послание папы Гонория III христианам в Руси. 16. XI. 1224 г. // Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь... С. 216–219. Назарова Е. Л. Комментарий... С. 217.

⁵⁷ Назарова Е. Л. Комментарий... С. 217.

⁵⁸ НПЛ. С. 63–64, 267–268.

Решающую роль в исследовании этой проблемы может сыграть анализ конфликта из-за Новгорода в 1220–30-х гг. между Ярославом Всеволодовичем (и/или Георгием) и черниговским князем Михаилом Всеволодовичем.

Этот спор начался с похода Георгия Всеволодовича на Новгород зимой 1224/1225 г.⁵⁹ Поход был вызван бегством малолетнего Всеволода Юрьевича из Новгорода в Торжок. В Торжок прибыли владимирский князь Георгий, его брат Ярослав, племянник Василько Константинович и Михаил Черниговский. С новгородцами, желавшими «умрети за святую Софею», Георгий Всеволодович договорился, что у них будет княжить Михаил⁶⁰.

В 1225 г. Михаил Всеволодович вокняжился в Новгороде и вскоре совершил визит к Георгию Всеволодовичу во Владимир. С ним он договорился о компенсации убытков зимой 1224/1225 г. Что это были за убытки? Летопись указывает, что владимирский князь после утверждения в Новгороде Михаила Черниговского, уходя, сделал много «пакостей» новгородцам, «взя у нихъ 7000 новую»⁶¹. И затем Михаил, прибыв в Новгород, сразу заявил о своем уходе⁶².

В историографии не связывались визит Михаила Всеволодовича к Георгию Всеволодовичу и последовавший уход Михаила из Новгорода⁶³. Лишь констатировалась причина ухода: недовольство Михаила положением княжеской власти в Новгороде⁶⁴. Игнорирование того, что владимирский князь после договора с новгородцами наделал им «пакостей», что в 1225 г. Михаил Всеволодович ездил к нему, а потом ушел из Новгорода, привело Дж. Феннела к выводу, что между Георгием Владимирским и Новгородом был достигнут компромисс («Юрий заставил Новгород принять Михаила» и перестал иметь дела с Новгородом), и борьба за Новгород пошла между Ярославом и Михаилом⁶⁵.

Анализ источников позволяет представить иную реконструкцию: владимирский князь столкнулся с упорством новгородцев и рекомендовал удобного для них Михаила, согласившись на формальное признание своей власти над Новгородом. Затем Георгий так разорил Новгородскую округу, что Михаил поспешил во Владимир договариваться с зятем. Георгий Всеволодович продолжал борьбу за Новгород и вынудил шурина покинуть его. Возможно, что одной из причин, побудивших к этому князя Георгия, стала уособица в Черниговской земле Михаила Всеволодовича и Олега Курского. Против последнего состоялся поход

---

⁵⁹ *Бережков Н. Г.* Хронология... С. 268–269.

⁶⁰ НПЛ. С. 63–64, 267–268.

⁶¹ НПЛ. С. 64, 268.

⁶² НПЛ. С. 64, 268, 269. *Бережков Н. Г.* Хронология... С. 269.

⁶³ См. например: *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси... С. 109, 111 (факт ухода Михаила из Новгорода проигнорирован).

⁶⁴ *Янин В. Л.* Новгородские посадники... С. 195.

⁶⁵ *Феннел Дж.* Указ. соч. С. 109, 111.

Георгия Всеволодовича с племянниками Константиновичами в 1226 г.⁶⁶ Результатом похода стало замирение черниговских Рюриковичей.

Ярослав Всеволодович в этом походе не участвовал, поскольку тогда уже княжил в Новгороде. После 1225 г. более перспективным для Георгия Всеволодовича было проведение новгородской политики через брата Ярослава (учитывая печальный опыт пребывания в Новгороде сына Всеволода). К тому же Ярослав рассматривал Новгород как свою отчину: ведь когда-то на новгородский стол его направлял отец Всеволод Юрьевич, и этот же стол занимал его тесть Мстислав Удатный. Так сложилась ситуация конфликта из-за Новгорода шурина и брата владимирского князя, но последний при любом развитии событий сохранял контроль над Новгородом.

Очередное появление Ярослава в Новгороде было связано с литовским набегом⁶⁷. Лаврентьевская летопись, не упоминая о посольстве новгородцев к Ярославу, сообщает, что он устремился защищать город, как только узнал о его беде. Просьба новгородцев к Ярославу занять стол, согласно Лаврентьевской летописи, последовала уже после разгрома Литвы⁶⁸. В этих событиях и поступках князя Ярослава выразилось сочетание двух военно-политических составляющих борьбы залесских князей: за безопасность новгородских рубежей и за контроль над Новгородом. Так владимирско-новгородские отношения конца 1220-х годов охарактеризовал В. Л. Янин, оценивая результаты восстания 1229 г., разорвавшего военный союз с Владимиром, необходимый для борьбы с экспансией извне⁶⁹. И если обстоятельства борьбы владимирских за власть в Новгороде изучены неплохо, то природа, причины и мотивы их стремления дать отпор внешнему врагу на землях Руси и перейти в контрнаступление в юго-восточной Прибалтике остались вне поле зрения исследователей.

В конечном итоге Георгий Всеволодович к 1226 г. вернул под свой контроль Новгород, поскольку там утвердился младший брат Георгия – Ярослав. После этого развернулась борьба за Новгород между Ярославом и черниговским князем Михаилом Всеволодовичем. Михаил Всеволодович напрямую не вступал в конфликт с владимирским князем Георгием Всеволодовичем. Однако последний не только поддерживал брата, но, как будет показано ниже, во-многом определял его политический курс. Владимирский князь оставался над схваткой, помогая брату, но не черниговскому шурина.

Силы, подчинявшиеся владимирскому князю Георгию Всеволодовичу, постоянно перемещались с востока на северо-запад и обратно. Зимой 1226/1227 гг., после похода в Черниговскую землю, состоялся победный рейд Святослава и Ивана Всеволодовичей на мордву⁷⁰.

---

⁶⁶ ЛЛ. Стб. 448.

⁶⁷ НПЛ. С. 64, 269.

⁶⁸ ЛЛ. Стб. 448.

⁶⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 198.

⁷⁰ ЛЛ. Стб. 448–449.

Ярослав Всеволодович и новгородцы в 1226/1227 г. разорили земли еми за морем, привели большой полон⁷¹. В 1227 г. Ярослав по согласованию с владимирским князем Георгием крестил карел⁷². Применительно к описаниям событий в 1227 г. в Лаврентьевской летописи, входящей в данные сведения к великокняжескому летописанию⁷³, надо указать, что данное обстоятельство косвенно свидетельствует, по меньшей мере, о согласовании планов Ярослава и его старшего брата, владимирского князя Георгия Всеволодовича. Данное обстоятельство не позволяет также согласиться с мнением Д. Г. Хрусталева о том, что крещение карел было личной инициативой новгородского князя Ярослава Всеволодовича⁷⁴.

Навести князя на мысль об этом могло послание папы Гонория III «королям Руси», призывавшее не мешать проповеди христианства (то есть католичества) в Ливонии и Эстонии⁷⁵. Вероятно, с актом крещения карел связана также огненная казнь четырёх волхвов в 1227 г. на «Ярославли дворе» в Новгороде. Вина волхвов заключалась в том, что «творяхуть е потворы деюще, а богъ вестъ»⁷⁶. Упоминание огненной казни волхвов следует в Новгородской первой летописи сразу после рассказа о походе князя Ярослава Всеволодовича с новгородцами на емь зимой 1226/1227 г.: «...и повоева всю землю, и полонъ приведе бешисла». Лаврентьевская летопись тоже повествует об этом походе, делая акцент на том, что поход был совершен туда, «где же ни единый от князей Руских не возможе бывати»⁷⁷, а пленных было так много, что русские дружинники часть их посекли, но еще больше отпустили обратно.

Как известно, большую роль в утверждении русских в Прибалтике сыграло православие. Его впервые активно стали использовать именно владимирские князья. Крещение карел в 1227 г., очевидно, способствовало сохранению Карелии в сфере будущей российской государственности. Оно имело и громадное политическое значение. Это был акт, нацеленный на ограждение Карелии от шведского проникновения⁷⁸. Ведь к 1209 г. собственно Финляндия была крещена шведами, а в 1221 г. финляндский епископ Томас, поставленный на кафедру в 1218 г.⁷⁹, сообщал об окружении его епархии «варварскими» народами⁸⁰. Конечно, крещение язычников как средство закрепления власти над ними – это

---

⁷¹ ЛЛ. Стб. 449; НПЛ. С. 65, 270.

⁷² ЛЛ. Стб. 449.

⁷³ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1997. С. 137–139.

⁷⁴ *Хрусталева Д. Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. Том. I. СПб., 2009. С. 165–166.

⁷⁵ Послание папы Гонория III королям Руси. 17.1.1227 г. // *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь... С. 219–220.

⁷⁶ НПЛ. С. 65, 270.

⁷⁷ ЛЛ. Стб. 449.

⁷⁸ *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 135–137.

⁷⁹ *Хрусталева Д. Г.* Северные крестоносцы... С. 155.

⁸⁰ *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 148–149.

общий прием многих средневековых правителей, и было бы неверно утверждать, что владимирские князья заимствовали его откуда-то извне, например, из Скандинавии.

Упомянутое выше послание Гонория III должно было внушить новгородцам и владимирским князьям опасение, что они могут упустить из под своей власти финно-язычные племена, связанные с Новгородом. Вероятно, это и подтолкнуло Ярослава Всеволодовича к крещению карел. Сохранились жалобы епископа Томаса папе Римскому Григорию IX. В жалобах говорилось, что русские, живущие по соседству, нападают на недавно крещеных финнов. В ответ на это папа в январе 1229 г. написал 7 булл (известно содержание 4-х), посвященных Финляндии. В них он остерегал возможных контрагентов русских от торговли с ними. А в 1232 г. папа римский уже призвал ливонских рыцарей к походу в Финляндию для защиты «нового насаждения веры»⁸¹.

Одновременность событий – поход на емь, послания папы Гонория III, сожжение волхвов и крещение карелов – а также последующие папские грамоты разным адресатам, позволяют предположить, что это, вопреки мнению Д. Г. Хрусталева⁸², – не простое совпадение. Под влиянием успешной крестonosной экспансии в юго-восточной Прибалтике Новгород и князья, находившиеся на его столе, должны были с опасением взирать на начало обращения шведами в христианство емян. Ведь соседями еми были дружественные Новгороду язычники-карелы. Поэтому и было проведено их форсированное крещение. Внимание к делам веры обусловило и непримиримое отношение к волхвам и их деятельности; причем этнически не определяется, были ли упомянутые выше язычники карелами или славянами. Одновременно с крещением карел возросло противостояние новгородцев (в военном союзе с владимирскими князьями) и еми.

Если крещение карел было частью политики не Ярослава Всеволодовича, а Георгия Всеволодовича, то можно сравнить его действия такого рода в Прибалтике и в Нижнем Поочье. В последнем случае после основания Нижнего Новгорода в 1221 г. крещения местных племен источниками не отмечено. В Нижнем Новгороде возводились храмы, за его стенами возник Богородичный монастырь, но они обслуживали первых жителей города – нижегородцев, а не население округи. Такое равнодушие владимирских князей к язычеству мордвы на фоне крещения ими карел объяснимо тем, что в борьбе за земли к югу от Нижнего Новгорода не было равноценных по культуре и религиозному сознанию соперников православия. Иная картина сложилась в юго-восточной Прибалтике, где развивалась экспансия католического духовенства.

Летом 1228 г. емь напала на ладожское побережье. Видимо, это был ответ на поход Ярослава против еми в предыдущий год: «Придоша

---

⁸¹ *Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век). СПб., 2004. С. 136–137; *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестonosной агрессии... С. 148–149.

⁸² *Хрусталева Д. Г.* Северные крестonosцы... С. 158.

Емь воевать в Ладозское озеро в лодках». Ладожане во главе с посадником Володиславом, не дожидаясь новгородцев, в ладьях устремились на врага. Емь была настигнута у Олонца, и с ней развернулось сражение на берегу и «исадах». С наступлением темноты воюющие разошлись: емь обосновалась на берегу с полоном, а новгородцы – в островах у Олонца. Ночью емь запросила мира, но посадник с ладожанами ответили отказом. Тогда налетчики уничтожили полон, бросили лодки и устремились в леса. При отступлении ладожане побили многих спешившихся емян. Пробиравшихся лесами емян избивали ижоряне, вылавливали и уничтожали карелы. О масштабах набега и его разгрома свидетельствует число пришедших разбойников – 2000, из которых, судя по летописи, «а то все мертво». В Новгороде о приходе еми узнали на Спасов день. Новгородцы с Ярославом через Ладожское озеро ушли в Неву. Расчет князя и новгородцев строился на том, что емь, придя на лодках, не будет их бросать, и при любом исходе акции ладожан будет уходить по Неве. Поэтому-то она и была блокирована. Однако, как следствие успеха рати Володислава, Ярослав Всеволодович с новгородцами зря прождали и врага, и ладожан⁸³.

По мнению И. П. Шаскольского, емь издавна находилась в политической зависимости от Новгорода и выплачивала ему дань, а потому конфликты русских и еми, в том числе и события 1227–1228 гг., надо рассматривать с точки зрения желания племенной верхушки последней прекратить эту зависимость⁸⁴. В качестве аргумента историком приведены сведения начальной части «Повести временных лет»⁸⁵. Но, как предположил В. Я. Петрухин, в действительности список финноязычных данников Руси можно ограничить чудью, мерью, муромой и весью. Остальные финские «языцы», в том числе и «ямь» (емь), перечислялись именно в порядке этногеографического экскурса, что не даёт оснований считать их данниками⁸⁶.

Еще одним аргументом в пользу своей трактовки событий И. П. Шаскольский считал указание в Уставной грамоте князя Святослава Ольговича (1137 г.)⁸⁷ о взимании «у еми скоро» в епископскую казну. Однако это известие можно объяснить тем, что меха собирались у той части еми, которая располагалась неподалеку от новгородских владений. Тезис о том, что новгородский князь «мог... распоряжаться

---

⁸³ Новгородская первая летопись... С. 65, 270–271.

⁸⁴ Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 22–29. Эту идею И. П. Шаскольский доказывает и последовательно подчеркивает. Выступая оппонентом Шаскольского в данном вопросе, надо подчеркнуть ценность его исследований, что обуславливает частое обращение к позитивным, на наш взгляд, выводам историка.

⁸⁵ См. также: Шаскольский И. П. Емь и Новгород в XI–XIII веках // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1941. Вып. 10. С. 100.

⁸⁶ Петрухин В. Я. Финские племена и призвание варягов // Восточная Европа в древности и Средневековье: миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Мат-лы конф. М., 2012. С. 213–214.

⁸⁷ Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 23.

данью с целого племени лишь в том случае, если это племя ему подвластно»⁸⁸, нельзя признать убедительным, если мы проанализируем случаи выплаты дани емью в разные времена. Например, получение Новгородом чудской дани не отменяет того, что часть чуди (западная) была подданным сначала датчан, а затем Ордена. Кроме того, грамота Святослава Ольговича была создана между 1133 г. (походом на емь Всеволода-Гавриила) и 1142 г. (нападение еми на «новгородскую волость» в 1142 г.). Видимо, последствием похода на емь в 1133 г. стало возложение на это племя дани. Из ее части и выплачивалась скоро в епископскую казну. Но в 1142 г. емь вышла из подданства, и ее данническая зависимость прекратилась.

Приведенное И. П. Шаскольским свидетельство шведской Хроники Эрика о том, что «ту страну [еми – *А. К.*], которая была вся крещена [шведами – *А. К.*], русский князь, как я думаю, потерял», возможно истолковать иначе. Речь может идти не о былом подчинении русским князьям, но об их притязаниях на земли еми. И эти притязания наталкивались на притязания шведов, которые, в конечном итоге, и вышли победителями.

Наконец, еще одним аргументом И. П. Шаскольского являются, по его выражению, «глухие воспоминания» населения Финляндии о давнем владычестве Руси на емянских территориях, зафиксированные в трех шведских источниках XVI–XVII вв. («Schondia» Я. Циглера (первая половина XVI в.), «Рифмованной хронике Финляндии» И. Мессения (начало XVII в.), анонимной «Хроники Финляндии» конца XVII в.). Но этот аргумент вызывает большие сомнения из-за позднего происхождения указанных произведений. Хотя профессор Упсальского университета Я. Циглер и писал, что в Финляндии «была в более старые времена греческая религия, пока власть находилась в руках Московии»⁸⁹, но нужно учитывать разницу в понимании термина «власть» до XIII в. и в XVI в., расширенное понимание топонима «Финляндия» в XVI в. и, наконец, то, что русские, действительно, крестили финно-язычное население к северу от Новгорода, но достаточно поздно (1227 г.). Что касается более ранних времен, то в Лаврентьевской летописи сообщалось только, что в 1227 г. Ярослав крестил карел⁹⁰. Это стало значительным политическим актом, нацеленным на ограждение Карелии от шведского проникновения⁹¹. Таким образом, христианизация финно-язычных народов пока была в XIII в. еще непрочной и неглубокой.

В повествовании И. Мессения начала XVII в. после рассказа о крещении Руси Владимиром Святославичем, говорится:

---

⁸⁸ Шаскольский И. П. Емь и Новгород в XI–XIII веках... С. 100.

⁸⁹ Цит. по: Шаскольский И. П. Емь и Новгород в XI–XIII веках... С. 101.

⁹⁰ ЛЛ. Стб. 449.

⁹¹ Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 135–137.

«Подобный обряд христианской веры
Приняли также те финны,
Которые находились тогда под властью Руси»⁹².

Обратим внимание на местоимение «те». Оно означает, что речь идет не о финнах как народе, но о какой-то их части. Следовательно, под финнами, которые были при князе Владимире под властью Руси, могли пониматься и карелы, и чудь.

«Хроника Финляндии», по признанию самого И. П. Шаскольского, содержит фантастические сведения, сообщает по интересующему нас вопросу следующее: «Первоначально Финляндия подчинялась своим правителям, позднее некоторое время имела тех правителей, что и Русия, теперь она подвластна шведскому государству... Когда они были объединены с русскими, они всегда были известны смелыми делами, многократно отражая врагов, в особенности же освободив свою область от татарских нашествий... С русскими лишь настолько были соединены, что трудно сказать, на чьей стороне была высшая власть»⁹³. В этом рассказе, отдаленном от описываемых событий несколькими веками, перепутаны и переплелись многие события. Сомнительно, что во времена Мессения сохранялись какие-то «смутные воспоминания» о событиях семисотлетней давности. Скорее, речь шла о бытовавших в Швеции XVII в. представлениях, согласно которым под Финляндией понимались в том числе и те территории, которые были получены у России в Смутное время.

В силу удаленности по времени от XIII в. (верхняя граница рассматриваемых отношений русских с емью) все тексты, приведенные И. П. Шаскольским, не могут считаться источниками по рассматриваемой нами эпохе. Более того, в них нигде не говорится о еми, но – лишь о Финляндии, которая в XVI–XVII вв. должна была пониматься в географическо-политических реалиях шведской державы. Все три нарратива относятся к академической традиции нового времени, когда люди, считавшие себя учеными, тем не менее, соединяли данные, полученные в ходе научных изысканий, с легендарными и недостоверными сведениями сомнительных источников. В России эта тенденция проявилась веком позже, чем в Швеции, в XVIII столетии, как видно по сочинениям В. Н. Татищева⁹⁴. Примечательно, что за использование сведений из его труда – о еми в Заволочье – И. П. Шаскольский критиковал Шёгрена

---

⁹² Цит. по: *Шаскольский И. П.* Емь и Новгород в XI–XIII веках... С. 101.

⁹³ *Шаскольский И. П.* Емь и Новгород в XI–XIII веках... С. 102.

⁹⁴ Критику «татищевских исследований» см.: *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М. Киев, 2005. С. 288–488; *Свердлов М. Б.* Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009. С. 64–316.

(«Не имея ничего лучшего, Шёгрэн вынужден был в качестве письменного источника использовать «Историю Российскую» Татищева»⁹⁵).

Можно также привести пример с отнюдь не «глухими воспоминаниями» о проживании мордвы на месте будущего Нижнего Новгорода, запечатленными в трудах нижегородских историков-краеведов XIX в. Как показал их текстологический анализ, различные предания и легенды об исконности мордвы на устье Оки были сочинены П. И. Мельниковым (Андреем Печерским) и развиты Н. И. Храмцовским⁹⁶. На месте же городской застройки Нижнего Новгорода археологами не зафиксировано комплексов мордовских артефактов, свидетельствовавших бы о мордовском поселении до основания города.

Имя новгородского тысяцкого Семена Емина, вопреки И. П. Шаскольскому, не обязательно объясняется тем, что он происходил из племени емь («потомок видных вождей или старейшин еми» вошел в состав новгородского боярства). Русская средневековая антропонимия не всегда дает основания для прямой, прозрачной этимологии имени. Старший современник Семена Емина знаменитый новгородец Олисей Гречин, например, был, вероятно, русским по рождению и культуре, и лишь обстоятельства жизненного пути вызвали прозвище «Гречин»⁹⁷. Таким же образом, можно предполагать иную, нежели этническую, версию происхождения прозвища «Емин».

Ссылки И. П. Шаскольского на терминологические заимствования из русского языка в финский (аракка – оброк в значении «дань», sani – сани в значении «сани, усовершенствованной русской конструкции», lusikka – ложка, sarkka – чарка, kousa, kousi – ковш, sirppi – серп, kassa – коса, rajaḡi – боярин в значении «знатный человек», tavara – товар, rari – поп в значении «священник», gaamattu – грамота в значении «Библия», risti – крест⁹⁸) могут объясняться знакомством с русскими людьми суми, другого племени, сыгравшего наряду с емью важную роль в этногенезе финнов. Как известно, с язычеством в Швеции было покончено в конце XI в., а католичество утвердилось в стране лишь в 1248 г. До этого времени шведы не занимались распространением христианства среди суми и еми. Этим и можно объяснить заимствования из русского языка в финский язык церковно-христианской терминологии.

---

⁹⁵ Шаскольский И. П. Емь и Новгород в XI–XIII веках... С. 98.

⁹⁶ См. подробнее: Кузнецов А. А. Вопросы истории Нижегородского Поволжья в XII–XIII вв. // Роль Нижнего Новгорода в сохранении Российской государственности: материалы научной и методико-практической конференции. Нижний Новгород, 2011. С. 102–121; Кузнецов А. А. Основание и ранняя история Нижнего Новгорода // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 5 (1). С. 10.

⁹⁷ Янин В. Л. Мирошка Несдинич и Олисей-Гречин // Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 88–92.

⁹⁸ Шаскольский И. П. Емь и Новгород в XI–XIII веках... С. 102, 111, 113.

Анализ летописных сведений о конфликтах русских и еми⁹⁹ подталкивает к тому, чтобы согласиться с теми финскими учёными, которых И. П. Шаскольский характеризовал как «настроенных националистически»¹⁰⁰. И. П. Шаскольский, используя множественное число, указал только на одного – Х. Киркинена. Судя по И. П. Шаскольскому, они делали акцент на конфликтности отношений еми и русских в домонгольское время¹⁰¹. Эта конфликтность, в свою очередь, предполагает, скорее, независимость, чем зависимость еми.

Если емь была в рассматриваемое время еще независима, возникает вопрос о причинах военно-политической активности владимирских князей в зоне, казалось бы, интересов Новгорода.

Новгород находился на точке пересечения силовых линий противоборств в Карелии и в юго-восточной Прибалтике. Надо обратить внимание на последнюю, как связанную с деятельностью владимирских князей в районе устья Оки.

В 1228 г. (до осени) Ярослав готовил большой поход на Ригу. После неудачных переговоров с Псковом князь привел полки под Новгород. Видимо, войско было большое и состояло не только из переяславцев, поскольку резко возросли цены на продовольствие¹⁰². В войско входили и полки из других частей Владимирской Руси, что свидетельствует об участии Георгия Всеволодовича в этой акции. Псковичи, узнав о низовских полках под Новгородом, заключили мир с Ригой и отказались участвовать в походе. Ярослав отослал полки домой¹⁰³. В сентябре 1228 г. из-за дождей не состоялся поход Василька Константиновича из Нижнего Новгорода на мордву¹⁰⁴. Русский отряд был не велик, поскольку основные силы княжества еще только возвращались из Новгорода.

В январе 1229 г. последовал масштабный поход Георгия и Ярослава Всеволодовичей, Василька и Всеволода Константиновичей, муромского князя – на «Пургасову волость» мордвы. Тогда же на ротника (рота – присяга) Георгия Всеволодовича по имени Пуреша напал болгарский князь, но, узнав о близости русских, отступил. Ответный набег Пургаса на Нижний Новгород в апреле 1229 г. был отбит. Затем «Пурешев сын» с половцами избили мордву и «Пургасову Русь»¹⁰⁵. Участие Ярослава в январском походе на мордву позволяет представить размах военно-политических акций Владимирского княжества. Очевидно, что в 1228 г. Ярослав, придя под Новгород, привел полки братьев и племянников.

---

⁹⁹ Кузнецов А. А. Конфликты Руси с финно-угорскими племенами (на примере мордвы и еми) // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. 2012–2013. Вып. 3–4. Нижний Новгород, 2013. С. 72–76.

¹⁰⁰ Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 26.

¹⁰¹ Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 26–27.

¹⁰² НПЛ. С. 65–66, 271.

¹⁰³ НПЛ. С. 66, 271–272.

¹⁰⁴ ЛЛ. Стб. 450–451.

¹⁰⁵ Там же. Стб. 451.

Во второй половине 1220-х гг. наблюдается всплеск внешнеполитической активности владимирских князей на восточных рубежах своего княжества и к западу от рубежей Новгорода (вероятно, для того, чтобы контролировать последний).

Противоречит этому то, что в 1229 г. Георгий Всеволодович помог Михаилу Черниговскому и не поддержал Ярослава в Новгороде: ведь был же конфликт 1229 г., когда Ярослав с племянниками Константиновичами выступил против Георгия. По мнению исследователей, как Георгий помог Михаилу занять Новгород в 1225 г., так он же мог и содействовать Михаилу вновь в 1229 г. в ущерб брату Ярославу¹⁰⁶. Тем более, в 1229 г. конфликт в семье детей и внуков Всеволода Большое Гнездо был. Однако предположения о некоем союзе Георгия Владимировского и Михаила Черниговского, о предательстве первым своего брата и проведении им собственной политики не выдерживают критики.

Одно из оснований этого мнения – добровольное возведение Георгием на новгородский стол Михаила в 1225 г. (см. выше). Конфликт 1229 г. потомков Всеволода Юрьевича надо рассмотреть подробнее. Урегулирование конфликта, по мнению исследователей, свелось к приглашению Георгием братьев и племянников на съезд во Владимир, празднованию там с ними Рождества Богородицы, наделению их подарками. Никаких последствий этой ссоры, известной только по Лаврентьевской летописи¹⁰⁷, нет, и о причинах ссоры в источниках также не говорится. Они выводятся путем сопоставления сведений Новгородской первой летописи о занятии новгородского стола Михаилом в 1229 г. с рассказом о семейном конфликте владимирских Всеволодовичей в Лаврентьевской летописи¹⁰⁸. Однако в следующей статье Лаврентьевской летописи сообщается о миротворческой миссии митрополита Кирилла, совершенной по поручению киевского князя Владимира Рюриковича и по просьбе Михаила Черниговского в 1230 г. Целью миссии было примирение Ярослава с Михаилом. Ярослав, послушав брата Георгия и митрополита, примирился с Михаилом¹⁰⁹. Примечательно то, что посольство двинулось к Георгию, чтобы примирить Ярослава и Михаила. Это – косвенный аргумент в пользу того, что Георгий оставался арбитром в новгородских спорах Ярослава и Михаила, имея влияние на своего брата.

---

¹⁰⁶ Андреев В. Ф. Князь Михаил Всеволодович Черниговский в Новгороде // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Новгород, 1996. С. 40; Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М., 1996. С. 87; Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 124; Феннел Дж. Указ. соч. С. 112; Хрусталева Д. Г. Русь от нашествия до «ига» (30–40 гг. XIII в.). СПб., 2004. С. 54.

¹⁰⁷ ЛЛ. Стб. 451–452.

¹⁰⁸ Андреев В. Ф. Князь Михаил Всеволодович Черниговский в Новгороде... С. 40; Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках... С. 87; Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. ... С. 124; Феннел Дж. Указ. соч. С. 112; Хрусталева Д. Г. Русь от нашествия до «ига»... С. 54.

¹⁰⁹ ЛЛ. Стб. 455–456.

Если Всеволодовичи и Константиновичи мирились во Владимире на Рождество Богородицы – 8 сентября, то, вероятнее всего, ссора случилась летом 1229 г.¹¹⁰ Михаил Всеволодович пришел в Новгород в апреле 1229 г.¹¹¹ Примирение Ярослава Всеволодовича с Михаилом Всеволодовичем состоялось в 1230/1231 г.¹¹² Возможна реконструкция следующей цепи событий: князь Михаил Всеволодович занял Новгород, нарушив крестное целование, поэтому Ярослав Всеволодович собрался воевать против него. Михаил обратился за помощью к киевскому князю, последовало примирение.

Предположение о ссоре владимирских Рюриковичей между собой является излишним. Между тем стремление показать ее роль в истории новгородско-владимирских отношений 1220–30-х гг. обнаруживается ещё у С. М. Соловьева: в 1228 г., по мнению историка, к новгородцам, недовольным Ярославом, пришел Михаил; недоброжелатели стали говорить Ярославу, что Михаил утвердился стараниями старшего брата, подобно тому, как это было в 1225 г.; Ярослав поверил, и вспыхнула ссора, разрешившаяся на сейме во Владимире¹¹³. С. М. Соловьев при изложении этих событий пользовался сведениями Лаврентьевской летописи и II-й редакции II-й части «Истории Российской» В. Н. Татищева¹¹⁴. Там есть пространное известие о ссоре Георгия и Ярослава: виновник ссоры Ярослав обиделся на то, что старший брат содействовал занятию новгородского стола Михаилом Черниговским. Рассказ изобилует множеством деталей, не подтверждающихся летописями. Сравнением I-й и II-й редакций II части «Истории Российской» показывает, что в I-й редакции Татищев дал краткую запись о ссоре, не приведя сведений о ее причинах и мотивах ее участников¹¹⁵. Причин и мотивов, сообщенных во II-й редакции, не содержится в летописях, как доступных В. Н. Татищеву, так и введенных в научный оборот позже.

Летописи не дают оснований для связи конфликта 1229 г. между потомками Всеволода Великого с вокняжением в Новгороде Михаила Всеволодовича. Он вокняжился, не спрашивая владимирского князя. В пользу этого свидетельствует посольство церковных иерархов к Георгию и к Ярославу в 1230 г. Несмотря на заключенный мир, владимирские князья устроили позже поход против Чернигова и, непосредственно, Михаила Всеволодовича¹¹⁶. Эту акцию можно связать, вслед за Дж. Феннелом, с борьбой за Новгород. В этой борьбе Феннел приписал

---

¹¹⁰ *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 96, 108.

¹¹¹ *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 269.

¹¹² Там же. С. 108.

¹¹³ *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. II. Т. III–IV. М., 1993. С. 141, 367.

¹¹⁴ *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 367; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. М.; Л., 1964. С. 224.

¹¹⁵ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. IV. М.; Л., 1964. С. 368. Это событие было подано В. Н. Татищевым по Воскресенской летописи (Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VII. М., 2001. С. 135).

¹¹⁶ ЛЛ. Стб. 459.

главную роль Ярославу¹¹⁷, тогда как Лаврентьевская летопись называет инициатором владимирского князя Георгия¹¹⁸. Это позволяет допустить, что, осуществляя великокняжескую политику, Георгий Всеволодович был на стороне брата, но не шурина, а и подтверждает вывод А. Е. Преснякова о том, что Ярослав Всеволодович вел новгородскую политику в интересах Георгия¹¹⁹.

Георгий Всеволодович в 1220-е гг. как владимирский князь осуществлял контроль над Новгородом через своего брата Ярослава. При этом князь Георгий оттеснял от Новгорода своего шурина Михаила Черниговского.

В 1229 г. Михаил Всеволодович, воспользовавшись боевыми действиями владимирских дружин против мордвы и болгар, вокняжился в Новгороде¹²⁰. Владимирский князь стал готовить ответный поход на Чернигов⁴⁹. Возможно, ценой отказа от него стало появление в 1230 г. в Новгороде Ярослава Всеволодовича. В ответ в 1230 г. Михаил Черниговский перекрыл доступ к пункту влияния Владимирского княжества на юго-восточном пограничье Руси – Переяславлю-Южному¹²¹.

Поэтому владимирские князья осенью 1231 г. напали на черниговский город Серенск¹²². Зимой 1232 г. состоялся поход сыновей Георгия и Ярослава Всеволодовичей, рязанских, муромских князей на мордву¹²³. Участие в походе Федора Ярославича знаменательно тем, что его отец должен быстро отъехать в Переяславль-Залесский, чтобы быть ближе к Новгороду. Когда участились нападения немцев на новгородские пределы, Ярослав Всеволодович в марте–апреле 1234 г. организовал поход на Юрьев. Были разорены его окрестности, попытки сопротивления были отбиты. Князь заключил мир на выгодных для Новгорода условиях¹²⁴ (чуть позже Ярослав дал отпор литовцам у Русы). В Новгородской первой летописи указано, что поход был совершен силами новгородцев и множеством полков Ярослава. Привести много полков из Переяславля-Залесского князь не мог, а потому это были войска и других князей

---

¹¹⁷ Феннел Дж. Указ. соч. С. 111, 112.

¹¹⁸ ЛЛ. Стб. 459.

¹¹⁹ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 50. Однако свой тезис А. Е. Пресняков доказывает и фактом посылки Георгием в Новгород своего шурина Михаила Всеволодовича.

¹²⁰ НПЛ. С. 67–68, 274.

¹²¹ Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII века. Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород, 2006. С. 50–133; Горский А. А. Земли и волости и волости // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 32.

¹²² ЛЛ. Стб. 459.

¹²³ ЛЛ. Стб. 459.

¹²⁴ НПЛ. С. 72–73, 283. См. также: Назарова Е. Л. Комментарий... С. 305–306.

Владимирского княжества¹²⁵. Это свидетельствует о том, что акция была мероприятием внешнеполитического курса Георгия Всеволодовича.

Итак, в 1220-е гг. и в начале 1230-х гг. наблюдается небывалый в истории Залесской Руси и Новгорода всплеск взаимной внешнеполитической активности, построенный на стремительном упрочении позиций владимирских князей в Новгороде. Главную роль здесь играл Георгий Всеволодович, осуществлявший новгородскую политику через сына и братьев. Среди последних выделяется Ярослав Всеволодович. Проявляя самостоятельность, инициативность, он оставался проводником общего курса брата. На протяжении почти пятнадцати лет дружины детей и внуков Всеволода Большое Гнездо последовательно перемещались от Поволжья до Прибалтики и обратно, действуя в регионах, население которых не входило в число данников Руси.

На Северо-Западе в 1220-е гг. обнаруживаются принципиально новые для владимирских и русских князей черты политики. Кроме традиционных желаний, присущего, наверно, всем князьям раздробленной Руси, утвердиться в богатом Новгороде, и выполнения воинского долга по желанию политической элиты Новгорода, наблюдается активное и самостоятельное отстаивание ставленниками владимирского князя Георгия Всеволодовича новгородских интересов в Прибалтике.

Эти владимирские князья произвели изменения в новгородской политике. Если до них в первые два десятилетия XIII в. князья лишь отвечали набегами на активность Ордена в юго-восточной Прибалтике (например, Мстислав Удатный), то Георгий и Ярослав Всеволодовичи дали начало систематической работе по противодействию европейской экспансии. Более того, иногда владимирские князья, приводя полки к Новгороду, вопреки его и Пскова сиюминутным интересам пытались покончить с их стратегическими противниками в проведении имперской политики среди народов Прибалтики. Это можно объяснить тем, что именно владимирские князья пытались найти адекватный ответ на вызов – проникновение в юго-восточную Прибалтику. Другие князья, рассматривая Новгород исключительно потребительски, не смогли в нем удержаться, как, например, Михаил Черниговский. Многие из них попросту отказались от притязаний на Новгород, поспешив заключить договоры с Орденом. Политике владимирского князя Георгия Всеволодовича в Прибалтике также присущи новые, в сравнении с предшественниками, черты. Среди них надо отметить использование религиозных средств (крещение карел), позаимствованных, возможно, у европейских оппонентов.

Само по себе начало формирования (прерванного в 1238 г.) основ «имперской» внешней политики, отсутствие опыта обусловили и ряд ее неудач. Другой причиной их стала раздробленность. Отстаиванию общерусских интересов в Прибалтике мешали обособление Пскова, Новгорода, стремление Михаила Черниговского утвердиться в Новго-

---

¹²⁵ Назарова Е. Л. Низовские дружины в ливонской политике новгородских князей 20–60-х гг. XIII в. // История и культура Ростовской земли. 1997. Ростов, 1998. С. 15–19; Она же. Комментарий... С. 304–305.

роде, ответные его действия, отвлекавшие силы и энергию Владимирских князей, втягивание их в общерусскую междоусобную борьбу.

Отстаивание владимирским князем интересов Новгорода и Руси в Прибалтике в 1220-е гг. позволили сохранить ресурс сопротивляемости, потом в полной мере задействованный Александром Невским и его потомками в деле сохранения целостности земель, которые к этому времени считались уже неотъемлемой частью Руси. Активная политика в Прибалтике в 1220-е гг. позволила владимирским князьям не только закрепиться в Новгороде, но и закрепить его за собой.